

ОДИН КУБИК НА ПЕТЛИЦАХ

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ВСЕ ДЕВУШКИ НАШЕГО КУРСА ЗАПИСАЛИСЬ В МЕДСЕСТРЫ и не пришли на экзамен. Ребята летом были на сборах по боевой подготовке. В сентябре вновь начались занятия. Из 24 студентов пришли на занятия только 8. В конце 1942 года мы сдали все экзамены третьего курса (по сжатой программе), и на следующий день Багра

Тер-Аванесов, Альберт Григорян и я подали заявление в военкомат. Так поступали все. Второго февраля 1942 года приехали в Тбилиси, на сборный пункт. Баграта и Альберта направили в артиллерийское училище, а меня — в распоряжение штаба Закфронта и зачислили в команду по подготовке шифровальщиков. Жили в холодных казармах. Нам запрещали спать в шерстяных свитерах (чтобы не завелись вши). Сержанты ночью будили курсантов, чтобы проверить, в чем они спят, заставляли снимать теплую одежду, а курсанты сопротивлялись как могли.

Шесть месяцев строевой подготовки, учебы по специальности без права выхода в город. Курсанты постепенно привыкли к воинской дисциплине. Мы получили звание младшего лейтенанта (один кубик на петлицах).

Часто можно слышать разговоры о том, что на войне штабные работники спокойно служат в своих кабинетах, что они "не нюхают порошу". Я бы не сказал, что это так.

Наша смена шифровальщиков состояла из 8-10 человек. Работали по 8 часов в сутки в наглухо закрытом небольшом зале с потолочными вентиляторами. Летом в Тбилиси жарко и душно. Спины наших гимнастеров в течение недели рвали от соленого пота. Трудно описать степень усталости от непрерывной работы за столом. Был случай, когда шифровальщик ночной смены заснул в кабине

Дальнейшая моя служба в армии сложилась так: окончил пехотное училище, командовал стрелковым взводом, а затем ротой (127-я гвардейская дивизия на I Украинском фронте, участник боев за Киев, Житомир, Радомысль, Шепетовку, ранение), 38-я запасная стрелковая дивизия — командир учебного взвода, затем начальник секретной части штаба этой же дивизии, начальник сектора в оргмобуправлении штаба ЗакВО и демобилизация.

генеральского туалета. Часто не было сил даже поужинать. Мы мечтали выспаться когда-нибудь. Выходили покурить только с разрешения.

С нетерпением расшифровывали телеграммы, поступающие с фронта. Переживали, когда телеграммы были о неудачах и потерях наших войск и радовались успехам. Бывали и казусы, неожиданности. Однажды мне пришлось расшифровать телеграмму о том, что среди личного состава на фронт отправляется кандидат биологических наук — призванный из города Баку Клопотовский Борис Алексеевич, — и предлагалось его отозвать. Он на первом курсе нам читал почвоведение. Вскоре я узнал, что по просьбе Академии наук Грузии его отозвали в Тбилиси. Наша встреча с ним глубоко тронула нас обоих.

ОКТАБРЬ 1942 ГОДА, ТРЕВОЖНАЯ ТЕЛЕГРАММА О ТОМ, ЧТО НА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ 10-й стрелковый корпус беспорядочно отступает, почти деморализован. Срочно была создана оперативная группа в составе члена Военного совета Закфронта комиссара госбезопасности третьего ранга Саджая А.Н. (руководитель), начальника штаба Закфронта генерал-лейтенанта Бодина П.И., наркома внутренних дел Северной Осетии Зоделава А.П., переводчицы, шифровальщика (меня) и радиста. Ночью под проливным дождем ехали через Кутаиси, а под утро уже были на Мамисонском перевале. Днем мы встретились с командиром 10-го корпуса, генералом (фамилию не помню). Разговор Саджая с генералом был очень напряженным, и неизвестно, чем кончился бы, если бы не внезапная танковая атака и авианалет немцев на полевой штаб корпуса, где и была вся наша группа. Началась паника. В открытом поле, в районе Эльхотово, мы потеряли радиостанцию, были раненые, мне чудом удалось спасти фронтовой код под телогрейкой (об этом мной написана статья в "Голосе Армении" от 7 мая 2011 года). Кошмар продолжался, и 2 ноября под городом Орджоникидзе немецкий самолет спикировал и пулеметным огнем атаковал автомобиль нашей группы. Погибли Саджая, Бодин и Зоделава.

Вскоре наши войска перешли в контрнаступление и разбили ударный клин фон Клейста Моздок-Малгобек, который стремился прорваться к Баку. В своих мемуарах маршал А.Гречко пишет, что в неудачах наших войск на Северном Кавказе свою роль сыграло также нервозное вмешательство представителя Ставки Л.Берия (говорят, что правду о войне можно написать не раньше, чем через 50 лет).

Штаб Закфронта руководил боевыми операциями на обширной территории Северного Кавказа и укомплектованием многочисленных тыловых соединений на Южном Кавказе, поэтому трудно переоценить роль бесперебойной оперативной связи штаба со всеми родами войск. Движение "срочных", "вручить немедленно", входящих и исходящих шифр-телеграмм фиксировалось с минутной точностью. И все это обеспечивалось благодаря четкой работе всех звеньев оперативной связи штаба. Работник штаба отличается ответственным отношением к работе. Эта черта сохраняется на всю жизнь. Именно такими и остались мои коллеги — бывшие шифровальщики: доктор, профессор Оганес Мнджоян (специалист по тонкой органической химии), доктор, профессор Вруйр Довлатян, полковник Ананий Алексанян, скрипач Юрий Казанчян и другие.

*Рианос Седракович МКРТЧЯН,
1922 г.р., инвалид II группы ВОВ,
доктор географических наук, профессор*